

Алекс Мерли

По своим следам 6

Алекс Мерли
По своим следам 6

«Автор»

2026

Мерли А.

По своим следам 6 / А. Мерли — «Автор», 2026

Время, время... Нам вечно его не хватает. Дни летят с бешеной скоростью, приближая нас к... А что, если бы у нас появилась возможность переместиться в прошлое и начать всё заново? Вы бы воспользовались этой возможностью? Нашего героя, Александра Махрова, судьба наградила именно таким шансом. За какие заслуги или грехи? Не знает никто. Однако свершившийся факт Александр оспаривать не намерен. Да и перед кем? Представьте себе: вы просыпаетесь, и мир вокруг тот же, но вы – другой. Вы помните всё, что было, все ошибки, все упущенные возможности, все радости и горести. И у вас есть шанс изменить всё. Или повторить? Именно с этого начинается новая глава в жизни Александра Махрова. Он получил второй шанс. Шанс прожить жизнь заново, вооружившись мудростью прошлого и знанием будущего. Но что он будет делать с этим даром? Изменит ли он свою судьбу, или пойдёт по уже проторенной дорожке, пытаясь исправить лишь самые вопиющие ошибки?

© Мерли А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алекс Мерли

По своим следам 6

Глава 1

По своим следам 6

— Ну, что студент? Вот ты мне и попался! Думал, спрячешься от меня? Как бы ни так, сейчас я тебе всё припомню. И никто тебе не поможет, ни мама, ни папа, ни сам господь Бог. — Федя перекрестился.

Да, да, передо мной стоял Федя из кинофильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика». Я огляделся, пытаюсь понять, не попал ли я случайно на съёмочную площадку и не стал ли нежелательным элементом в кадре. Однако никаких камер и декораций не заметил. И что самое удивительное, людей не было видно нигде. Блуждая по улице в своих мечтах, я каким-то непостижимым образом свернул в этот проулок. Как я здесь оказался — до сих пор не понимаю. И как назло, мы оказались один на один в тесноте загаженного пространства.

Вся земля была завалена отвратительным хламом: ржавые банки, окурки, тряпки, обрывки газет, и какая-то мерзкая, бесформенная дрянь, цвет и назначение которой невозможно было определить. Запах здесь стоял такой, что хотелось зажать нос и немедленно покинуть это невзрачное место.

Граффити самых разных форм и цветов покрывали стены, превращая их в галерею под открытым небом.

Одинокая пустая бутылка из-под водки, подгоняемая ветром, издавала резкие, жалобные звуки. Надо же! В самом центре города, под самым носом у городской администрации, образовалась такая свалка! Вот это да, открытие века, не иначе! Куда только ребята из “Тринпис” смотрят?

— Ну, всё студент? Молись. Как говорил один мой знакомый... ныне покойник... "Я слишком много знал".

Федя, этот громила с лицом, будто высеченным из гранита, медленно двинулся ко мне. Его глаза, маленькие и злые, сверкали в полумраке переулка. От него пахло перегаром и чем-то ещё, едким и неприятным, как старая тряпка. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Мозг лихорадочно искал выход, а ноги, казалось, приросли к грязному асфальту.

— Что... что вам нужно? — выдавил я из себя, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но он предательски дрогнул.

— Что нужно? — прорычал Федя, и его голос эхом отразился от стен переулка. — Ты ещё спрашиваешь, что нужно? Ты мне жизнь испортил, студент! Из-за тебя я на пятнадцать суток загремел! Пятнадцать суток, понимаешь? А я ведь человек занятой, у меня дома семья, работа, планы!

Я в панике перебирал в голове все возможные варианты, пытаюсь понять, где и когда мог столкнуться с этим человеком. Я же его видел только по телевизору, никогда не встречал лично, автограф не брал... Что же тогда произошло?

— Я... я не понимаю, о чём вы говорите, — пробормотал я, чувствуя, как сердце колотится в груди, как пойманная птица. — Я вас никогда раньше не встречал.

Федя расхохотался, и этот смех был похож на скрежет ржавого железа.

— Не встречал? Ну, конечно! Вы, студенты, все такие! Сначала натворите дел, а потом делаете вид, что ничего не помните! Но я тебе напомню! Помнишь, как ты на стройке...

— Я... я не Шурик! — выпалил я, и это прозвучало до смешного нелепо. Шуриком я как раз и являлся, правда не тем, киношным, а другим, но попробуй докажи это человеку готовому начистить тебе табло.

Федя прищурился, его брови сошлись на переносице.

— Не Шурик? А кто же ты тогда, умник? Думаешь, я не узнал тебя? Твои очки, твоя интеллигентная рожа... Всё как тогда! Тьфу ты!

Я почувствовал, как по лбу стекает холодный пот. Ситуация становилась всё более абсурдной и опасной. Как объяснить человеку, который, кажется, живёт в своей собственной реальности, что он ошибся? Что я не персонаж фильма, а обычный прохожий? Так, стоп. Очки? Какие нафиг очки? Да я никогда на зрение не жаловался, всё нормально у меня со зрением. У него, что, глюки?

— Послушайте, — начал я, пытаюсь говорить максимально спокойно и убедительно, — я понимаю, что вы расстроены, но вы меня с кем-то путаете. Я не имею никакого отношения к вашей истории. Я просто шёл по улице, и вдруг вы...

Федя снова расхохотался, прерывая меня. Его смех, сначала тихий и нервный, перерос в раскатистый, почти истерический хохот, который эхом отдавался от обшарпанных стен переулка. Я замер, не зная, как реагировать. Только что я пытался объяснить человеку, что он ошибся, что я не тот, кто ему нужен, что я просто случайный прохожий. А он... он смеётся.

— Значит, просто прохожий? — прохрипел Федя, отдышавшись. Надежда, что еще недавно так отчаянно горела в его глазах, сменилась горькой иронией. Федя отвернулся, не в силах смотреть на мое непонимание.

— Ну, извини тогда. Я... я просто...

Он не договорил. Затем махнул рукой, словно отгоняя наваждение, и пошел прочь, его силуэт медленно растворялся в сгущающихся сумерках грязного переулка. Шаги становились все тише, пока не затихли совсем, оставив меня наедине с тишиной и запахом сырости.

Я несколько минут пытался прийти в себя, морщась от зловонного запаха, который казалось, въелся мёртвой хваткой в одежду и принялся за моё тело. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, а в голове царил полный сумбур. Я только что пережил один из самых абсурдных и пугающих моментов в своей жизни. Этот человек, с его странным, почти безумным взглядом, с его внезапным смехом и еще более внезапным исчезновением, оставил меня в полном недоумении. Что он здесь делал? кого искал? И почему я, простой прохожий, оказался в центре этой странной драмы? Да ещё где?! На помойке в самом центре города.

И в этот момент, когда я безуспешно пытался уложить в голове всё произошедшее, ко мне пришло понимание, понимание того, что мир гораздо сложнее, чем кажется. Что за каждым человеком, за каждым, казалось бы, бессмысленным поступком стоит своя история. Своя радость и боль. Свои взлёты и падения. Пример тому Федя, с его отчаянием и диким смехом. Макарыч меня явно с кем-то перепутал, другого объяснения просто не было.

Мои размышления прервал хозяйский кот. Он неожиданно появился передо мной, словно материализовавшись из воздуха.

Кот сидел, элегантно выгнув спину, и смотрел на меня своими огромными зелеными глазами. И тут, к моему полному изумлению, он заговорил.

— Ты совершенно прав, хозяин, – прозвучало из уст Бегемота, и его голос, низкий и бархатистый, словно обволакивал, с легким, почти незаметным мурлыканьем. — Всё обстоит именно так. Ваша жизнь — сложная штука, и нам, котам, не всегда дано её понять. Мяу!

Он моргнул, и в этом жесте читалось некое ожидание. Я же ощутил, как слова застряли у меня в горле. Говорящий кот, да ещё и с голосом, который невольно отсылал к образу Олега Табакова – это было за гранью моего понимания.

— Что на меня уставился? — продолжил Бегемот, слегка наклонив голову. — Говорящих котов никогда не видел? Правильно, потому что я единственный кот на свете, который умеет разговаривать. И не только разговаривать, но и понимать. Вот ты сейчас думал о том, как сложен мир, о помыслах людей. И я это слышал. И с тобой полностью согласен.

Он лениво потянулся, демонстрируя свои острые когти, и снова уставился на меня. В его глазах мелькнул озорной огонёк. Это было настолько сюрреалистично, что я начал икать.

— Так что, хозяин, не удивляйся. Мир всегда полон сюрпризов. Иногда эти сюрпризы приходят в виде говорящего кота. Мяу! И вообще, мы кушать сегодня будем? Или ты решил меня голодом морить?»

Ишь ты, какой культурный, кушать ему подавай, не есть или жрать, а именно кушать. После его слов у меня внезапно проснулся зверский аппетит. Видимо адреналин схлынул, оставив в организме пустоту и дисбаланс. Я почувствовал, как желудок урчит в унисон с мурлыканьем кота.

— Пойдём домой, чудо природы, — наконец выдавил я из себя, все еще не до конца веря в происходящее. — Действительно нужно подкрепиться.

Протянув руку к коту, я внутренне готовился к тому, что видение рассеется, оставив меня в одиночестве. Но мои ожидания не оправдались: Бегемот по-прежнему сидел там, где появился.

— Отлично, хозяин! — воскликнул он, когда я почесал его за ушком. Его тело расслабленно прижалось к моей ноге.

— Я уже предвкушаю замечательную пирушку. Надеюсь, у тебя есть что-нибудь вкусненькое? Эти ваши человеческие истории, конечно, интересны, но живот от них не наполнится.

Мы вышли из переулка и вклинились в людской поток. Субъективное восприятие исказилось, порождая ощущение нереальности окружающего мира, который приобретал черты фантастического ландшафта.

Говорящий кот, как обычный домашний любимец, шел рядом, и никто не обращал на него внимания.

Я не задумывался о том, что будет дальше, но одно знал точно: моя жизнь только что стала намного интереснее. И, кажется, я обрел самого необычного и понимающего друга.

Пробуждение было странным и неприятным. Моё тело... тела как будто и не было вовсе.

«Почему я не ощущаю своего тела?» — Эй, вы! — крикнул я в пустоту — немедленно верните мне моё тело! Я как-то уже привык к нему после переноса. — Хотя чего там привыкать? Я в своём молодом теле, вернее не совсем своём, а точной моей копии Сани Махрова

из параллельной реальности или вселенной, кому как нравится. Но, тем не менее, я это я и других мнений здесь быть не может.

И почему так болит голова? Как будто я со страшного похмелья. Только вот парадокс: я не пью, от слова совсем. Не люблю это дело. Так, что же тогда со мной приключилось? Опять небесные силы постарались со мной что-нибудь сотворить? Да нет, не похоже.

Я попытался пошевелиться, но ничего не произошло. Ни малейшего ощущения. Это было похоже на то, как если бы я пытался управлять марионеткой, у которой оборваны все нити. Паника начала подкрадываться, холодная и липкая.

— Где я? — но в ответ была лишь тишина. Пустота. Не было ни стен, ни пола, ни потолка. Только бесконечное, серое ничто.

Внезапно, в этой серой бездне, начали появляться образы. Сначала размытые, как старые фотографии, потом всё более четкие. Я увидел себя – точнее, Санино тело – лежащим на кровати. Оно было бледным, с закрытыми глазами. Рядом стояла женщина, её лицо было искажено тревогой. Она держала Санину руку и её пальцы подрагивали. Она, что-то говорила, но картинка была без звука, как в немом кино.

«Это сон?» — подумал я. Но сон не может быть таким... реальным. Я чувствовал эту головную боль, эту сухость во рту, эту ужасающую пустоту там, где должно было быть моё тело.

Затем образы сменились. Я увидел себя в больничной палате. Трубки, провода, писк приборов. Врачи склонялись надо мной, их лица были сосредоточенными, а в глазах читалась тревога.

«Что происходит?» — пронеслось в моей голове. Нет, не в голове, тела ведь у меня не было. Тогда как же я мыслю? И почему ощущаю боль в том месте — где должна быть голова? Я был уверен, что это не просто сон. Это было что-то другое. Что-то, что вырвало меня из моего привычного существования, из этого чужого, но уже такого родного тела.

Но теперь... теперь я был призраком. Призраком в собственном сознании, запертым в этой пустоте, наблюдающим за собой со стороны.

«Это наказание?» — мелькнула мысль. За что? За то, что я посмел вмешаться в естественный ход вещей? За то, что я, будучи уже немолодым, захотел снова почувствовать вкус жизни? Но я тут ни при чём. Мало ли, чего мы желаем в течение всей своей жизни, и если бы все наши желания могли исполняться, страшно представить, что бы это была за жизнь.

Я попытался сосредоточиться, собрать воедино остатки своей воли, если так можно выразиться. Если я не могу управлять телом, может быть, я могу управлять чем-то другим? Может быть, каким-то образом я могу влиять на это пространство, в котором оказался?

Я представил себе, как хочу почувствовать своё тело. Хочу ощутить вес конечностей, тепло кожи, биение сердца. Я напрягся изо всех сил, до такой степени, что вспотел. Интересно, разве призраки могут потеть? И в этот миг в моём сознании ворвалась резкая, дикая боль, такая нестерпимая, что я заорал, срывая голосовые связки и... О боже, боль мгновенно пропала, а я открыл глаза пытаюсь сообразить, где нахожусь. Первое, что увидел это потолок. Такой знакомый и родной. Я повернул голову... Ура! получилось, я снова в своём теле, а сон... Теперь я уверен, что это был сон, сон пропал, сменив абстрактную обстановку на такую привычную мне реальность. Ура! Стоп, рано радоваться, если видение было сном, то, что предшествовало ему, очередной сон? Не многовато ли для одной ночи? Или виной всему моя болезнь, которая ослабила организм?

Воспоминания нахлынули, как цунами, сметая остатки тумана в моей голове. Вчерашний вечер. Я шел по улице, погружённый в свои мысли, как вдруг очутился в каком-то грязном переулке, столкнувшись лицом к лицу с Федей. Ну надо же!

Я даже не успел осознать, как такое могло произойти. Еще минуту назад передо мной простиралась широкая улица, заполненная людьми и машинами. Вечернее солнце слепило

глаза, отражаясь от витрин, и я шурился, размышляя о предстоящей репетиции. В голове крутилась какая-то глупая шутка, услышанная по радио, про кота, который умел играть на пианино. Я даже улыбнулся, представляя себе эту картину.

А потом – полумрак. Не просто сумерки, а густой, вязкий полумрак, который, казалось, можно было потрогать. Я помотал головой, случилось же видение на мою шею. Кому расскажешь, не поверят. Нет, это точно был сон, ввиду болезни я неделю не выходил из дома. А может я стал лунатиком и хожу везде где только вздумается, сам того не ведая? Много ли я знаю про таких людей? Да практически ничего.

Я, осторожно сел, спустив ноги на холодный пол. Бр... Холодно-то как, нужно срочно затопить печь, но сначала необходимо утолить жажду, из-за пересохшего горла вместо слов раздавались нечленораздельные звуки. Казалось и мысли были под стать словам. Так, а где кот?

Кот лежал на старом, продавленном кресле, которое он оккупировал на сегодняшнюю ночь. Его пушистое тело распласталось так, что казалось, будто он сам стал частью этого кресла. Уши чуть приподняты, но это, скорее всего, рефлекс, а не признак бодрствования. Нос слегка подергивается, и я уверен, что в его кошачьих снах он сейчас гоняется за гигантскими мышами или, что более вероятно, за невидимыми порциями сметаны с сосисками.

— Бегемот! — позвал я, но в ответ лишь глухое урчание. Он даже ухом не повел. Я подошел ближе. Его глаза были плотно закрыты, а дыхание ровное и глубокое. Никаких признаков пробуждения.

— Объялся вчера бедолага — пробормотал я сочувственно, наблюдая за его безмятежным сном.

До меня постепенно начало доходить, ни какого Феде и говорящего кота не было и в помине, так же как и отсутствия у меня тела и прочих видений. А был всего лишь сон, или не сон, а нечто большее? Слишком реалистично всё выглядело. Я помнил практически всё. Каждую бумажку на земле, пустую бутылку, которую катал от нечего делать забияка ветер. Поначалу мне пришла в голову сумасшедшая идея – пойти и поискать этот проклятый переулок. Вдруг он на самом деле существует? Нет, ну его на фиг. Даже если и существует, я ничего ни хочу о нём знать. Сон это был и точка. Мне и дома хорошо и уютно.

Я улыбнулся мыслям о домашнем уюте. Такая обстановка, казалась мне идеальной картиной сегодняшнего утра. Впрочем, как и любого другого дня. Легкий скрип половиц под ногами, мягкий, тусклый свет, пробивающийся сквозь плотные занавески, и тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старого будильника на столе. Это был мой маленький, личный рай, где время текло неспешно, а заботы внешнего мира казались далекими и незначительными. Сейчас эту обстановку дополнит запах свежесваренного кофе. Какая это красота, когда утро начинается с чашечки ароматного, горячего кофе. Это как маленький праздник, как обещание хорошего дня.

В прошлой жизни я привык к кофе как к воздуху. Не задумываясь о нем. Он был, просто... был. Топливо для мозга, катализатор для пробуждения, верный спутник бессонных ночей. Куда же без них в преклонном возрасте? Красота в напитке?! Праздник души?! Эти слова казались мне чуждыми, применимыми скорее к шампанскому или изысканному вину, но никак не к ежедневному употреблению черного, горького, обжигающего кофе.

Но сейчас... Сейчас был СССР. И кофе, мой верный, мой незаменимый помощник, остался в будущем. Здесь и сейчас кофе был чем-то большим, чем просто напиток. Он был символом. Символом недоступного, символом, который, как ни странно, приобрел в глазах гурманов ту самую красоту и праздничность, о которых я раньше и не помышлял. Достать его, было сродни подвигу. Не просто купить в магазине, где полки чаще всего зияли пустотой, а именно *достать*. Это означало связи, знакомства, шепот на ухо, обмен услугами, а порой и просто удачу. В юном возрасте, когда мир казался огромным и полным неизведанных чудес, а

детские мечты были яркими и безграничными, в нашей семье о кофе не могло быть и речи. Не то чтобы на него был какой-то строгий запрет, нет. Скорее, это было нечто настолько далекое от нашего быта, что даже не возникало мысли о нем.

Наша семья жила скромно, где каждый рубль был на счету. Вспомнив своих родных, чьи могилы остались бесхозными где-то там, в другой параллельной вселенной, а так же годы бесшабашной и весёлой жизни, я тяжело вздохнул, возвращаясь в реальность. На прошлой неделе, моя мечта, моя ностальгия по кофе, неожиданно материализовалась. На кухонном столе появилась она – стограммовая баночка индийского кофе. Её тёмно-коричневая этикетка сияла в тусклом свете потолочной лампы, словно драгоценный камень. Я не мог поверить своим глазам. Соседка, Антонина Ивановна, подарила мне эту баночку за оказанную помощь. Это было не просто "что-то", а нечто, что заставляло мое сердце наполняться теплом и легкой грустью. Соседка жила одна, и её жизнь, как я однажды узнал из рассказа бабы Шуры, не была легкой. Впрочем, как и у большинства других жителей нашей необъятной страны, переживших страшную войну. Годы оставили на лице Антонины Ивановны тонкую паутину морщин, но глаза, несмотря на преклонный возраст, всегда светились добротой и какой-то внутренней силой. Антонина Ивановна, даже в свои годы, всегда находила время для добрых дел, от улыбки незнакомцу, до протянутой руки помощи соседям по улице. И не только.

А я... я просто помогал ей по мере возможности. Мелочи, казалось бы: помочь донести до дома авоську с картошкой, поменять лампочку в коридоре, до которой она не могла дотянуться, отремонтировать розетку. Для меня это было пустяком, но для неё, наверное, значило гораздо больше. Я видел, как она ценила эти маленькие жесты, как её глаза загорались благодарностью.

На прошлой неделе случилась небольшая, но неприятная история. Сломался замок на входной двери. Он заедал, не открывался, и всячески пытался не впустить хозяйку в собственный дом. Я случайно увидел Антонину Ивановну, стоящую на пороге, с растерянным выражением лица, пытающуюся безуспешно повернуть ключ. Руки, уже не такие сильные как раньше, дрожали от напряжения. Завершал картину морозный воздух февраля.

Я, с моими юношескими силами и несколькими инструментами, которые попались под руку – отвертка, пассатижи, молоток – готов был броситься в бой.

— Антонина Ивановна, давайте я попробую. — Она с надеждой посмотрела на меня, и в этот момент я почувствовал, как на плечи ложится груз ответственности.

Примерно полчаса длилась эта битва за свободу. Замок, казалось, сопротивлялся изо всех сил, издавая зловещие скрипы и щелчки, но, в конце концов, его воля сломилась под моим напором. Когда дверь распахнулась, Антонина Ивановна выдохнула накопившееся напряжение. Её лицо озарилось сияющей улыбкой, и она с благодарностью сжала мою руку.

— Большое тебе, Саша, спасибо! Ты настоящий помощник! — В её голосе, звучала искренняя признательность.

На следующий день, когда я вышел из дома, Антонина Ивановна ждала меня около калитки. В руках она держала небольшой, аккуратно завернутый сверток.

— Вот, возьми — сказала она, здороваясь со мной. — Это тебе. За твою помощь. Я знаю, ты не любишь брать деньги, но это... это от души.

Картину воспоминаний, словно незванный гость, прервал стук в окно. Негромкий, но настойчивый. Я посмотрел на старый будильник, стоящий на столе: семь тридцать. На улице лениво брезжил рассвет, словно раздумывая, осчастливить людей новым днём или немного подождать. Будто подстраиваясь под его настроение, с неба нехотя падал крупный, пушистый снег.

Стук повторился, на этот раз чуть громче. Я подошел к окну, отодвигая занавеску. За стеклом, в полумраке утреннего света, я увидел знакомый силуэт. Это была Баба Шура,

собственной персоной. На первой электричке видимо приехала. Погостила у племянников, помогла им с переездом, пора и честь знать.

Накинув на плечи фуфайку, и сунув ноги в валенки, я пошел отпирать дверь. Лицо квартирной хозяйки покраснело от утренней, морозной свежести, а в глазах плескалась какая-то тревога.

— Здравствуйте, баба Шура, — поприветствовал я ее, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее. — Почему вы так рано, что-то случилось или в гостях плохо спалось?

Она тяжело вздохнула, и этот вздох, казалось, вырвался из самой глубины ее души.

— Да какой там сон, Саш! Переезд – это же просто кошмар, как пожар, только маленький. Все эти коробки, вещи, суета... А еще и соседи эти новые, шумные. Всю ночь что-то у них гремело, будто слоны по квартире ходили.

Я понимающе кивнул. Переезд – это действительно испытание, даже для самых стойких.

— Баба Шура, может, чашечку кофейку для бодрости? — предложил я, протягивая ей ключ от входной двери на ее половину. — Я как раз чайник вскипятил.

Она отмахнулась рукой, как будто отгоняя назойливую муху.

— Не люблю я кофе. Это же буржуйский напиток. Как вы не понимаете?

Я слегка опешил. Баба Шура, женщина простая, но с характером, всегда отличалась своими взглядами на жизнь, но такое заявление было для меня в новинку.

— Буржуйский? — переспросил я, пытаюсь понять, откуда такое определение.

— Да бросьте вы эти ваши 'модные штучки'! Сплошная показуха, честное слово. Настоящий человек, он ведь что пьет? Чай! Крепкий, черный, с кусковым сахаром – вот это я понимаю, напиток, который согревает и душу, и тело! А кофе? Кофе – это пижонство, для тех, кто хочет казаться с лучше, чем есть на самом деле. Ну, чисто буржуйский напиток, что тут еще скажешь!

Каково было бы суждение бабы Шуры оказалась она сейчас в двадцать первом веке? Я бы с радостью послушал.

Она бы, наверное, сошла с ума от всего этого. От скорости, от технологий, от того, как живут люди, что едят.

Я не стал спорить. Мир семидесятых был другим. И суждения о "настоящем" были связаны с тяжелым трудом, с процессом, с вложением души. Мир будущего, – с удобством, с разнообразием, с возможностью получить желаемое за короткий промежуток времени. И, честно говоря, я не собирался рассуждать о современности. Всё-таки в данном случае это и мой мир. Я родился в пятидесятых годах. И не наша вина, что в скором будущем страна развалится.

Перекинувшись с бабой Шурой несколькими пустыми фразами — о погоде, о всяких житейских делах, — разошлись по своим углам. Хозяйка не забыла спросить про кота. Хотел было ответить, что прохвост, лёжа в кресле, читает вчерашнюю газету, но решил не рисковать — баба Шура мой специфический юмор вряд ли оценит.

Пока мы вели беседу, кофе в чашке успело остыть.

Пришлось снова отправлять чайник на плиту. Пока его металлический бок, покрытый налетом времени, медленно нагревался, издавая тихое шипение, я успел одеть старую, но теплую фланелевую рубашку. Поверх накинул фуфайку, штаны одеты, ноги в валенках. Всё, я готов к выходу на свежий воздух. Пробежался до сарая, где хранились наши запасы. Воздух там был пропитан терпким, смолистым ароматом сосновых дров. Каждый раз, переступая порог этого полутемного царства, я ощущал, как меня окутывает знакомый, успокаивающий запах.

Сегодняшнее утро было не из легких. Холод пробирал до костей, и мысль о горящем очаге грела душу сильнее, чем любая одежда. После всех утренних дел я приступил к розжигу. Всегда любил этот процесс. Это было не просто разведение огня, а своего рода ритуал, который возвращал меня к истокам древности, к простым, но важным вещам.

Я аккуратно подложил лучину на сухие щепки, затем добавил пару поленьев. Чиркнул спичкой, и маленький, робкий язычок пламени затрепетал, жадно цепляясь за дерево. Приятно смотреть, как разгорается в печи огонь. Сначала он был нежным и робким, но постепенно набирал силу. Пламя стало ярче, жарче, и вскоре огонь в печи начал радостно гудеть, словно живое существо, выпрашивая новую порцию топлива. Я подбросил еще одно полено, и огонь с благодарностью принялся его пожирать, отбрасывая на стены комнаты, сквозь щели в дверце, причудливые тени. Запах дыма, смешивающийся со смолистым ароматом дров, наполнял воздух, создавая атмосферу уюта и безопасности. Я смотрел на огонь, и все тревоги прошлых дней отступали. А тревожиться было о чём. Всю прошедшую неделю я провалялся с температурой и из дома практически не выходил, только по нужде и за дровами. Катя и Марина — две добрые души, которые словно ангелы-хранители приходили ко мне каждый день. Они не только приносили еду и лекарства, но и поддерживали разговором, рассказывали новости, старались развеселить. Их забота была для меня настоящим спасением. Эх, была бы у меня под руками гитара, с ней я бы мог сейчас оттачивать мастерство или играть для души. Но инструмента под рукой нет. Один раз, ближе к вечеру пришли ребята. Рассказали новости, которые я уже слышал от наших бэк - вокалисток. Впервые за прошедшие две недели на репетиции появился Славка Перкун. Оказывается, у него заболела любимая бабушка и он, бросив все дела и учёбу, умчался к ней в Ярославль. Но вот где пропадает Адамкевич? Этот вопрос не давал мне покоя. В Израиль подался или ещё куда? Он всегда был немного загадочным, но чтобы так исчезнуть?... Надеюсь, с ним все в порядке.

И вот, сегодня, впервые за всю неделю, я почувствовал себя отлично. Это было такое необычное, почти забытое ощущение легкости и бодрости. Я потянулся за термометром, и он со мной был полностью согласен, выдав заветные тридцать шесть и семь.

Что ж сегодня схожу в училище, нужно приниматься за репетиции на полном серьёзе. Парни, конечно, не сидели, сложа руки. Я знал, что они репетировали и без меня, но без баса это было как картина без тени – чего-то фундаментального каждый раз не хватало.

После того как пришёл Перкун, бас-гитару взял Серёга, а Славка встал на его место за синтезатор и дела пошли в гору. Но это было еще не все. Славик, как и обещал, принес из муз училища аккордеон. Этот инструмент пока без надобности лежал в шкафу. Но я уже чувствовал, что его время придет. Я представлял, как его меланхоличные, а порой и задорные, звуки будут переплетаться с нашей музыкой, добавляя ей глубины и неповторимости.

Вода в чайнике нагрелась до нужной кондиции, и я разбавил кипятком остывший кофе. Не выливать же его. Таким дефицитом разбрасываться, точно не буду. Бережно поднес чашку к губам, вдыхая остаток аромата, который еще несколько месяцев назад казался мне непостижимой роскошью.

Помню, в прошлом году два раза на мне заканчивалось кофе. Это было как проклятие. Особенно врезался в память один случай. В тот день по городу пронесся слух, что в "Гастрономе №7" выбросили кофе. Не знаю, что это был за "повод" – может, кто-то из начальства решил проявить неслыханную щедрость, или просто партия залежалась на складе, не знаю. Но я, как и десятки других кофеманов, рванул туда, сломя голову. Благо было воскресенье и от пробежки по магазинам ничего не отвлекало. Тем более в пятницу получили заветную

стипендию. Можно было и шикануть. Длинная очередь, извиваясь, заполнила собой всё пространство торгового зала.

Я стоял, засунув руки в карманы, и представлял себе заветную баночку. Сердце колотилось от предвкушения. Казалось, вот-вот, еще чуть-чуть, и моя мечта станет реальностью. Но видно судьба так распорядилась, обладателем кофе я не стал. Прямо передо мной, когда до прилавка оставалось всего два человека, продавец объявила: "Кофе закончился!" Разочарование было таким сильным, что я чуть не выругался матом. Люди вокруг шумели, ругались, но ничего нельзя было изменить. Я ушел домой с пустыми руками и тяжелым сердцем, чувствуя себя обманутым и опустошенным.

Не верится, но спустя месяцы, моя мечта материализовалась и теперь гордо стоит на столе!

Разбавляя остывший кофе кипятком, я снова ощущаю эту радость. Ни капли не пропадет. Каждая крупинка этого драгоценного порошка будет использована по назначению. Спасибо Антонине Ивановне за такой подгон. Лирика лирикой, но чашка опустела и пора собираться в путь. Сегодня будем репетировать в обновлённом составе, и я заранее настраивался на новое звучание. Звучание, звучание, блин! У нас пока ещё нет второй гитары, на чём Серёга сегодня играть будет? Вот это попадос, нужно срочно решать проблему. Иначе Славке придётся расчехлять свой аккордеон. Видимо так и придётся поступить. В любом случае гитара необходима. Пока ребята заняты учёбой, мне нужно оперативно решить вопрос с инструментом, обратившись к Воропаевой. Планы меняются, время ещё есть. Надеюсь, Ирина Андреевна будет на месте. Вот тут-то и начинаешь остро понимать, как же круто в будущем, когда под рукой имеются все нужные гаджеты! Сейчас бы ей набрал – и дело с концом, заранее бы обо всём договорились. А пока... А пока только на своих двоих да на автобусе. Что ж, значит, в путь. Огонь в печи угас, можно закрывать вьюшку, не опасаясь удушья. Бегемот же исчез, едва до него донёсся голос хозяйки. Впрочем, это и неудивительно: у меня не осталось ничего, что могло бы его привлечь. Все лакомства были съедены ещё вчера.

Ну вот, автобус ушёл прямо из-под носа, чуть-чуть не успел! Что ж, делать нечего, придётся торчать тут и ждать следующего. А мороз-то крепчает, так и норовит превратить меня в ледышку. И тут, как по волшебству, к остановке подруливает служебный "КАВЗ" с табличкой завод "Тиммаш."

— Садись, паря, подвезу, а то совсем околеешь, — крикнул мне водила одетый в стеганный ватник.

Я не стал отказываться, моментально забрался в салон и плюхнулся на первое попавшееся сиденье. Всё равно автобус шёл порожняком. Садись куда хочешь.

— Куда тебе? — поинтересовался водитель, дядька преклонного возраста, скорее всего пенсионер.

— До «Центрального», — ответил я.

— Тю,— воскликнул он. — Я мимо ДК рвану. Высажу тебя на Берестовой, оттуда до рынка недалече, быстро доберёшься, вспотеть не успеешь — хохотнул он.

— Так мне как раз в ДК и нужно! — с радостью воскликнул я.

— Добре, енто другое дело. Высажу тебя прям у ДК, — сказал он, приглаживая свои пышные усы. Остальной путь мы проделали молча. Каждый думал о своём. Минут через пятнадцать мы были на месте. От предложенного полтинника дядька отказался, послав меня в пешее эротическое путешествие по необъятным просторам нашей великой страны.

Глава 2

Доброе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.